

ЮЛИЯ ЭЛИСОН

Котики
для
МИСС ВЕДЬМЫ

Юлия Эллисон

Котики для мисс Ведьмы

<https://litres.ru/74211213>

Аннотация

Всего одно письмо — и с моей простой жизнью покончено. Теперь я — нежеланная кандидатка в главы магического рода. Один поход на крышу — и рядом со мной вертится навязчивый, но до невозможности сексуальный котик-оборотень из королевского рода. Одна победа в испытании — и моя заклятая соперница рвёт на себе волосы от ярости.

Все видят во мне простушку-«выбраковку», которая обязана провалиться. Пусть думают что хотят. Они не знают, что мое «неправильное» колдовство и доброе сердце — это не слабость, а главный козырь. И я не просто займу этот трон — я перепишу все правила, по которым тут играют.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Непослушная магия	8
Глава 2. Письмо из дома	18
Глава 3. Дом, милый дом	26
Глава 4. Домашние разборки	32
Глава 5. Первое испытание	39
Глава 6. Встреча на крыше	45
Глава 7. Найденный котик	50
Глава 8. Первый котик	56
Глава 9. Разговор по душам	63
Глава 10. Второе испытание	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Пролог

— Кто обидел такую красавицу?

Голос прозвучал так внезапно и так близко, что я вздрогнула всем телом и едва не потеряла равновесие, сердце прыгнуло в горло. Он был низким, бархатным, с ленивой, кошачьей растяжкой гласных, от которого по спине пробежали мурашки. Я обернулась и... обомлела, забыв как дышать.

В паре метров от меня с непринуждённой, почти вызывающей грацией хищника, сидел мужчина. Нет, не мужчина — самое настоящее, явившееся из ночи божество. Как я могла его не заметить?

Он будто состоял из самого мрака и отражённого лунного света. Тёмные, чуть растрёпанные волосы, будто их только что ласкал ночной ветер. Резкие, но до идеальности выточенные черты лица. А глаза... огромные, гипнотические, зелёные, как непроходимые тропические джунгли, с вертикальными, живыми зрачками, в которых пульсировала дикая, древняя магия. В них отражалось всё звёздное небо, и мне вдруг страстно, до боли захотелось стать одной из этих далёких, пойманных в его взгляде звёзд.

— С чего ты взял, что меня обижали? — выпалила я, гордо вскинув подбородок, пытаюсь скрыть дрожь в коленях, но предательская, солёная влага на ресницах выдавала меня с головой.

И тут до моего ошарашенного сознания донеслось это слово... «красавица». Ко мне. Асмадель Верст, «пустышке», «позору рода». Сердце ёкнуло, совершив маленький, глупый кульбит.

— Разве нет? — Он встал и подошел ближе, бесшумно, как призрак, и воздух вокруг мгновенно зарядился статикой, запахло грозой.

От него исходила осязаемая аура дикой, необузданной силы. Мой внутренний хаос, моя строптивая магия, встрепенулась, почуяв родственную душу, и рванулась навстречу.

— Слезы на твоём лице — это роса? Или, может, дождь по заказу?

— Н-нет... — мой голос предательски дрогнул, сорвавшись на шепот. Я чувствовала, как по коже бегут разряды, а в животе теплеет. Он был так близко, что я могла разглядеть каждую его длинную ресницу, каждую тень, лёгшую на его высокие скулы. Мои пальцы сами собой сжались, представив, каковы на ощупь эти тёмные, шелковистые пряди.

— О чём ты думаешь, загадочная незнакомка? — его зрачки сузились в две чёрные, хищные щёлочки, а кончик носа легко дрогнул, словно он улавливал не запах, а сам вкус моей магии, солёный привкус моих слёз и пьянящий аромат моих эмоций.

Этот пронизывающий взгляд парализовал волю. Я почувствовала, как моя собственная сила, всегда буйная и непокорная, вдруг ожила и потянулась к нему тонкими, невиди-

мыми, но такими жадными щупальцами. Она вилась вокруг него, как лиана, изучая, ласкаясь, желая... присвоить, впитать, слить воедино этот мрак с моим собственным пламенем.

— Я... — я попыталась что-то сказать, отогнать наваждение, но слова застряли в пересохшем горле комом.

— Ты... — его бархатный голос прозвучал как самое сильное колдовство. Он медленно, почти невыносимо, наклонился ко мне, и его тёплое дыхание коснулось моей кожи, пахнущее ночным ветром, тёмным мёдом и чём-то диким, первозданным, звериным. — Пахнешь бурей. И звёздной пылью. Восхитительно.

Это было слишком. Переполненная этим шквалом ощущений, я резко вскочила, мир на мгновение поплыл, край крыши коварно ушёл из-под ног. Но вместо ожидаемого падения в пустоту я ощутила твёрдое, обжигающее тепло на талии.

Его рука. Она притянула меня к себе, не давая упасть, и на одно стремительное, вечное мгновение наши тела соприкоснулись. Ноги подкосились, в висках застучала кровь, а внизу живота вспыхнул жаркий, стремительный, всепоглощающий огонь. Мы были на открытом воздухе, под всем небом, а мне отчаянно, до головокружения не хватало воздуха!

Он смотрел на меня, а я тонула в этих зелёных, бездонных омутах, в которых теперь плясали, отражаясь, все огни города, все мои потухшие надежды и внезапно родившаяся

новая, безумная мечта.

— Мы ещё обязательно встретимся, красавица, — прошептал он, и его губы в сантиметре от моих изогнулись в дерзкой, многообещающей, колдовской улыбке. Его дыхание обожгло меня, как самый страстный, несостоявшийся поцелуй. — Твоя буря... она зовёт меня. И я приду на её зов.

Глава 1. Непослушная магия

Что-то пушистое, теплое и наглое устроилось на моей руке, тяжёлым бархатным комочком, от которого по коже побежали мурашки. Пальцы кольнуло разрядом чужой, но до боли желанной магии, а сердце екнуло, подло и предательски замирая от восторга. Ладонь обожгло шершавым, тёплым язычком, и это жжение было слаще любой мази. На душе стало так хорошо и спокойно, так безопасно, как не бывало с тех самых пор, как я перестала быть кому-то нужной.

Моя собственная магия, всегда дикая и непокорная, встрепенулась, а затем вдруг полилась свободно и послушно, как ей и положено, с радостным гулом наполняя это наглое магическое существо. Оранжевые искры, рождаемые на стыке наших сил, вспыхивали в его тёмной шерсти, словно рубины в саже. Зелёные, как лесные озёра, глаза котика медленно заполнялись сияющим цветом моей силы, и в них не было ни капли осуждения.

Мой. Совершенный. Мой котик. Фамильяр. Мечта, ставшая плотью...

— Асмадель Верст!

Голос преподавателя, словно удар обуха по затылку, грубо и безжалостно выдернул меня в суровую реальность. Я вздрогнула, тяжело отрывая голову от прохладной поверхности парты, и медь моих непослушных кудрей тут же с тихим

шелестом рассыпалась по плечам тяжёлой, выющейся волной. Длинные, огненные пряди, всегда жившие своей жизнью, спускались ниже поясницы, вечным плащом и вечным проклятием.

Я машинально, с привычным раздражением, откинула солба рваную челку, которая вечно лезла в глаза, пытаюсь скрыться от мира.

Еле продрав глаза, слипшиеся от сна, я тут же наткнулась на острый взгляд госпожи Гровис. Ее темные, булабочные головки зрачков на фоне ядовитой зелени радужки гипнотизировали и беззвучно обещали скорую и мучительную расправу. Я даже не сразу заметила, что на меня пялится не только она, но и вся группа, затаив дыхание в предвкушении зрелища.

За спиной зашипели, будто змеи, приглушенные смешки, а чей-то громкий, нарочитый шепоток в очередной раз обозвал меня «пустышкой». Словно тупым ножом по старому шраму.

Пусть обзываются.

Их прямые, уложенные с помощью магии, безжизненные волосы никогда не сравнятся с буйной медной гривой, дикой и живой, что досталась мне от прабабки-бунтарки.

Высокая статная ведьма даже бровью не повела, оставаясь невозмутимым изваянием из льда и яда.

— Асмадель, — ее голос был тихим, шелестящим, и оттого еще более опасным, будто полоз по сухим листьям. —

Если вы настолько преуспели в моем предмете, что можете позволить себе спать, будьте любезны продемонстрировать нам формулу дождя. Немедленно.

Я скривилась, почувствовав, как в животе холодной тяжестью осела обида. А вот это она зря. Пусть я и не «пустышка», коей меня клеймили с детства, но моя собственная магия меня определенно не слушалась. И госпожа Гровис прекрасно об этом знала. Заставлять меня позориться на потеху всему классу — ее любимое, изысканное удовольствие.

Все началось не здесь, в этом негостеприимном интернате за тысячи миль от дома. Нет, мое детство до трех лет было почти идеальным. А потом пришло время Пробуждения дара. Мой... не то чтобы не проснулся. Он взорвался, оставив после себя выжженное поле и испуганные глаза тех, кого я называла семьей.

Родители, узнав, что их дочь — это непредсказуемая магическая катастрофа, просто... отвернулись. Словно я стала прокажённой. Семья последовала их примеру. Детство кончилось в тот миг, с треском захлопнувшейся двери.

А в пять лет меня с распростертыми объятиями принял этот закрытый интернат для «проблемных» ведьм. Распростертыми, да недружелюбными, больше похожими на капкан.

— Асмадель, ты еще долго будешь гипнотизировать доску? — Ненавистный, сладкий голос прозвучал прямо у уха, заставив снова вздрогнуть.

Пришлось браться за мел. Благодаря абсолютной памяти с теорией у меня проблем не было никогда. Я вывела на доске безупречную, геометрически точную схему, расписав все компоненты и потоки силы. Идеально, как в учебнике.

— А теперь, Асмадель, покажи нам, как это работает, — в голосе Гровис прозвучала сладостная угроза.

— Госпожа Гровис, — обратилась я, глядя ей прямо в глаза, пытаясь донести отчаянную мольбу. Мне было плевать на сдерживаемые смешки. — Не надо. Умоляю, это плохая идея.

— Это необходимо! В следующий раз будешь думать, прежде чем спать на моем уроке!

А кто виноват, что вчера пришло это проклятое письмо из дома, и я всю ночь металась по комнате, сжигая его мысленно десятки раз, но так и не решившись вскрыть конверт с фамильным гербом?

Ничего хорошего оно не сулило. Либо окончательное отречение, либо что-то похуже.

— Асмадель... — в голосе ведьмы зазвенела сталь и нетерпение.

Что ж. Сама напросилась. Сердце ушло в пятки, застучав где-то в районе каблуков.

Я зажмурилась и мысленно вывела формулу. Минута... вторая... давящая тишина. Никто не кричит — уже хорошо. Осторожно приоткрыла глаз.

Аудитория замерла. Буквально. Солнечный луч, пойман-

ный в пыльную ловушку окна, застыл в воздухе, превратившись в золотой слиток. Сокурсники сидели как каменные изваяния с застывшими на лицах гримасами, а лицо госпожи Гровис было маской немого ужаса и чистейшей, кристаллической ярости.

Я взывала внутренне, вцепившись в свои огненные кудри, готовая рвать их с корнем.

Опять! Вместо безобидного дождя — «стынь», заклинание полной временной остановки, которое я даже не пыталась воссоздать! И черт меня побери, я понятия не имела, кратковременное оно или, как в прошлый раз с теми огоньками, продлится целый год!

Еще раз окинула взглядом застывший класс. Тихо выругалась — на этот раз смачно, от всей души, не стесняясь в выражениях. Что ж, придется идти сдаваться руководству. Снова выговор, изолятор, унижительное письмо «любящей» семье с отчетом об очередном провале...

Топнув ногой от бессилия, я уныло поплелась по мрачным, пропитанным запахом строгости и несбывшихся надежд коридорам интерната.

Чудо! Как же мне хотелось, чтобы хоть капелька чуда приземлилась прямо в мои протянутые ладони и уже не улетала.

Я толкнула дубовую дверь приемной, украшенную потемневшими от времени бронзовыми инкрустациями, и тяжелое полотно бесшумно уступило. Воздух здесь, густой и спертый, пахнет старыми книгами, воском для полировки и лег-

кой, едва уловимой магией — не живой и пульсирующей, а застывшей, как пыль на архивных фолиантах.

Секретарь-красавица, холодная и отполированная, как ее собственные ногти, даже не взглянула на меня, целиком поглощенная этим важным занятием.

— Ученица Верст, — бросила я, и голос прозвучал хрипло от сдавленного комка в горле. Привычная горечь подступила к глазам, но я сглотнула ее, готовясь к худшему.

— Войдите! — Голос директрисы, мадам Рилы, прозвучал по-прежнему добродушно-радушно. Она была, наверное, единственным живым существом в этих стенах, кто смотрел на меня не как на досадную «выбраковку», а как на человека. Эта мысль была одновременно спасительной и невыносимо болезненной.

Ее кабинет обрушился на меня волной тепла и света, став полной противоположностью мрачным, пропитанным тоской коридорам. Высокий потолок с причудливой лепниной, полки до потолка, ломящиеся от фолиантов в потертых кожаных переплетах, а в огромном камине весело и уютно потрескивали поленья, отбрасывая на стены пляшущие тени.

Сама мадам Рила, улыбаясь своими лучистыми глазами, сидела за массивным столом.

— А, это ты, Асмадель! Я ждала тебя! — Мне в руки сунули пачку бумаг, и я послушно сжала их.

— Мадам Рила, вы, должно быть, не так поняли, я... — начала я каяться, привычная маска вины уже наползала на

лицо, но она меня перебила, мягко и безжалостно.

— Да-да, детка, прости старую. Я тоже буду по тебе скучать. — Она обняла меня, и от этого теплого, материнского прикосновения что-то надорвалось внутри, стало чуть легче дышать.

Я улыбнулась, ощущая прилив странной, пьянящей надежды. Ладно, пусть госпожа Гровис и ее класс подождут. К вечеру их кто-нибудь расколдует.

— Спасибо вам. Я тоже буду скучать! — сказала я, и голос прозвучал искренне, хотя ум все еще отчаянно пытался понять, что происходит.

— И не переживай об инициации! Ты умница, и память у тебя отличная! Я верю, ты со всем справишься, даже без магии!

Я кивнула, абсолютно потерянная, чувствуя себя актрисой, забывшей текст в самом главном монологе. Какая инициация? О чем она?

— Ах, это так волнительно... помню, как в нашем доме выбирали главную ведьму... — Кружка с душистым чаем сама грациозно подплыла ко мне. Воздух дрогнул, и передо мной материализовалось печенье и баночка с вишневым вареньем, от которой потянуло сладким летом. — Выиграла моя двоюродная сестра, но я была счастлива, ведь тогда у меня появился мой котик!

Фамильяр директрисы, пушистый комок ночи с изумрудными глазами, тут же возник на столе, ласково потерся о ее

руку и прыгнул на пол. В следующее мгновение на его месте стоял дьявольски привлекательный мужчина с хищной улыбкой.

— Доброе утро, ученица Верст, — он весело подмигнул мне, и его взгляд на мгновение задержался на моих медных кудрях с нескрываемым, почти животным одобрением, прежде чем он снова обратился котиком и гордо удалился, виляя хвостом.

В горле встал колючий, горячий ком. Да, мне никогда не видать своего фамильяра. Эта мечта разбилась еще в детстве. Котики — существа магические, а моя сила для них — ядовитый, непредсказуемый хаос. Я обречена быть в полном, оглушительном одиночестве.

Ирония? Еще какая. До тошноты.

— Да, все это очень волнительно, — выдавила я, глядя на вожделенное печенье. В столовой интерната из сладкого была разве что морковка в супе, да и ту приходилось заслужить. Хотя в этом был и свой, горький плюс — моя фигура с изящными изгибами и тонкой талией была на зависть всем этим изнеженным наследницам древних родов, щеголявшим в дорогих платьях.

Природа, надо отдать ей должное, постаралась на славу, одарив меня внешностью, достойной королев, словно в насмешку над моим внутренним уродством.

— Да что же я! Тебе же надо вещи собирать! Беги, Асмадель, немедленно! Такой шанс дается раз в жизни!

Я кивнула и, к своему стыду, судорожно сунула в рот печенье, с наслаждением ощущая, как на языке тает настоящий, горьковатый шоколад. Это был вкус свободы.

— Да, я сейчас же пойду. — Вцепилась в бумаги, как в спасательный круг, чувствуя, как они вот-вот выскользнут из потных ладоней. — Мирного полета вам!

Я выскочила из кабинета, и секретарь, наконец оторвавшись от своего маникюра, сунула мне в руки небольшую, но на удивление тяжелую коробку, перевязанную шелковой лентой.

— Ваш диплом, личные вещи и одноразовый амулет перемещения до дома. Удачи вам, ведьма Асмадель, и мирного полета.

От этого обращения «ведьма» у меня перехватило дыхание. Впервые. Не «ученица», не «пустышка», не «проблемная особа» — а «ведьма».

Слово обожгло изнутри, смешав гордость с леденящим ужасом.

Сжав в руках холодный амулет, я стояла посреди безлюдного коридора, не в силах сдвинуться с места. Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь глухим стуком в висках. Внутри все дрожало и пело от предвкушения, похожего на панику.

Они что, совсем не понимают, кого вызывают? Ищут сильную, перспективную ведьму для управления домом, а получат... меня. Рыжую бестию с рваной челкой, неуправ-

ляемой магией, взрывающей все на своем пути, и долгой, как жало змеи, памятью на обиды.

Уголок моего рта дрогнул в едва уловимой, но острой, как бритва, улыбке. Что ж, дорогие родственники. Готовы ли вы к тому, что ваша тихая, серая, отвергнутая мышка вернется домой? И не просто вернется, а превратит вашу размеренную, выверенную жизнь в настоящий магический хаос.

Готова поспорить, вы об этом пожалеете. А я... а я наконец-то получу свой шанс. И пусть весь их устоявшийся мир содрогнется от моего возвращения.

Глава 2. Письмо из дома

— Да где же оно, черт побери?! — С рычанием, в котором сплелись отчаяние и ярость, я переворачивала свою келью вверх дном. Проклятое письмо, зашвырнутое с ночи в порыве малодушной слабости, будто испарилось, насмехаясь надо мной. — Неужто за шкаф укатилось?..

Мебель в интернате делали на века и с явным посылом: «здесь вам не курорт, а чистилище для неудобных». Кровать из цельного дуба не скрипела — она монументально возлежала, лишённая всяких пружин, словно спать полагалось на дровах для воспитания характера и смирения плоти. Письменный стол был размером с алтарный камень и столь же бесполезен, ибо без единого ящика, будто знания здесь были не нужны, лишь послушание. А шкаф... Шкаф был настоящим каменным изваянием, гробницей для моих трёх унылых платьев и всех несбывшихся надежд.

Мысленно послав к чертям садиста-архитектора, я с горечью осознала: сдвинуть эту махину без магии нереально. Помощи ждать неоткуда. Мужчин здесь не водилось — котиков-оборотней воспитывали в отдельных, куда более приятных заведениях. А местные ведьмы смотрели на меня как на брак в магической линии, на сбой, который вот-вот устранят.

Были, конечно, парочка таких же тихих затворниц, с кем можно было перекинуться парой слов в столовой, но вряд ли

они рискнули бы помочь мне просто так, подставив себя под удар. А платить мне было нечем. Разве что отдать Пинки.

Пинки — мой плюшевый фамильяр. Черный, пушистый, с одним глазом-бусинкой и наполовину оторванным хвостом. Единственное существо, которое не предавало меня с самого рождения, впитывая в свою ветхую ткань все мои слёзы и детские страхи.

Вздыхнув, я в последний раз беспомощно дёрнула шкаф, ощутив, как в пальцах ноет беспомощность, и сдалась. Нужна помощь. Даже если просить придется у неё. У той, чья ненависть ко мне была такой же незыблемой, как эти дубовые стены.

С раздражением, от которого горько сводило скулы, я вышла из комнаты и прошла по безрадостному коридору до небольшой, неприметной двери, от которой веяло забвением и кислыми травами.

— ДОБРЫЙ ДЕНЬ! — гаркнула я прямо в ухо старой карги-комендантши, которая, как поговаривали, была изгнана из дома не за кражу фамильяра у сестры, а за то, что от скуки превратила всю родню в лягушек. На неделю. И, кажется, сожалела, что не навсегда.

— А, пустышка, — мерзко ухмыльнулась она беззубым ртом, и взгляд её мутных глаз скользнул по мне, как слизень.
— Чего надо?

Я сделала вид, что не слышала оскорбления, ощутив, как привычная обида пытается вскипеть в груди. Но сегодня оно

было мне нипочём.

— Шкаф передвинуть надо! Письмо под него закатилось! — снова повысила я голос, наклоняясь к её сморщенному лицу.

— Чай, не глухая... — буркнула она, демонстративноковыряя в ухе костлявым мизинцем с жёлтым ногтем. — Нечего орать!

Ага, конечно. В прошлом месяце тут парочка с котиком устроили такие дебаты, что стены дрожали, а она и ухом не повела. Слышит она всё, каждую мышь за плинтусом. Просто обожает, когда её упрашивают, смакуя миг своего мнимого величия.

Я уже готовилась к очередной порции яда, сжимая кулаки, но старуха неожиданно, с хрустом костей, поднялась и поплелась к моей комнате. Неужели подменили?

Пока я шла за ней, невольно подумалось: пусть она теперь — высохшая, злая тень, но свою долю счастья она, наверное, хлебнула. У неё были котик, семья, дом... Пусть и кончилось всё лягушками. А у меня? Плюшевый Пинки и чемодан комплексов, который с каждым годом становился только тяжелее. Эх.

Войдя в комнату, ведьма что-то буркнула, взмахнула пальцами, от которых пахнуло пылью и полыньёю, и неподъёмный шкаф послушно всплыл в воздух, заставив мое сердце на мгновение ёкнуть от несправедливости: вот так легко, одним взмахом...

— Тащи давай, болезная! Вечно держать не буду! — рывкнула она, и её голос прозвучал как скрип ржавых ворот.

Я подхватила белый конверт с алым, словно капля крови, фамильным вензелем и отскочила назад, прижимая его к груди, как украденное сокровище.

— Спасибо! Мирного вам полета! — бросила я с искренней, хоть и вымученной, благодарностью, потому что даже эта горькая старуха в этот миг была мне ближе всей моей родни.

— На тебя распоряжение вышло, — просипела она, сверля меня взглядом, полным старческой желчи и какого-то странного злорадства. — Чтоб через час твоей души тут не было! Тоже мне, ведьма выискалась... Пустышка! — Плюнув почти мне под ноги, словно стирая моё присутствие, она удалилась, оставив за собой шлейф несбывшихся обид.

Час? Что ж, более чем достаточно. Словно плотину прорвало. Чувство несправедливости, копившееся годами, вдруг сменилось холодной, острой решимостью.

Я бережно, почти с благоговением, провела пальцами по гладкой бумаге конверта. В груди, вопреки всем доводам разума, забилась крохотная, но наглая птица по имени Надежда. Судя по намёкам директрисы, меня ждёт не изгнание, а нечто... иное. Нечто, ради чего стоит бороться.

Осторожно, будто касаясь чего-то взрывоопасного, что могло ослепить или испепелить, я вскрыла послание и подошла к окну, к единственному лучу света, героически проби-

вавшемся сквозь пыльное, потрескавшееся стекло.

И слова, выведенные чёрными, бездушными чернилами, перевернули всё с ног на голову.

«Асмадель Верст.

Глава Дома мертва. Вы приглашаетесь на испытания для назначения новой главы.

Дом Верст»

Два предложения. Коротких, отточенных, как лезвие гильотины, обрушившихся на меня всей тяжестью.

Сердце заколотилось в бешеном, хаотичном ритме, выступивая в висках один и тот же вопрос: «Шутка? Это чудовищная шутка?». Я швырнула письмо, словно оно было раскаленным металлом, обжигающим пальцы до мозга костей. Глава... мертва? Испытания? И... я?

Они там все с ума посходили? Я не могу даже чай без взрыва чайника заварить, не превратив кухню в полигон для тренировок юных магов-ликвидаторов!

Обняла себя за плечи, вцепившись пальцами в костлявые предплечья, не зная, как реагировать. Какая реакция подбавляет изгою, которого годами топили в тине безразличия, а теперь вдруг позвали на пир к королю? Радоваться? Плакать? Сделать умное, сосредоточенное лицо, как у тех пай-девочек с их идеальной, послушной магией?

Плакать не буду. Не заслужила она моих слёз. Эта «гла-

ва» для меня была лишь безликой тенью за резными дверями родового особняка, не сделавшей мне ни хорошего, ни плохого. Холодная, как мрамор в фамильном склепе. А вот что сделает новая... Это вопрос, от которого в жилах стынет кровь.

Кто ещё из нашего выводка может претендовать? Четверо. И все они мне до боли знакомы. Сильнейшая из них — Берта. Моя драгоценная двоюродная сестра. Та самая, с чьим рождением наши родители начали своё вечное, утомительное соревнование «чей ребёнок круче». Мои проиграли с треском, получив меня — бракованную версию с дикой, рвущейся с поводка магией. И если главой станет Берта... Мне не жить. Это не метафора. Она сотрёт меня в порошок, как досадное пятно на безупречной репутации Дома.

Взгляд снова упал на письмо, лежащее на полу как обвинение. Решение созрело мгновенно, твёрдое и острое, как отточенный клинок, вонзившийся в самое сердце страха. Я еду. Еду и сделаю всё, абсолютно всё, чтобы этот титул не достался Берте. Выжить — вот мой главный и единственный приз. А уж как я это сделаю, с помощью магии, хитрости, чёрной интриги или найдя сильного союзника — не имеет ни малейшего значения. Цель оправдывает всё.

Я подошла к потрескавшемуся зеркалу, в котором всегда видела лишь смутное пятно, и впервые за долгое время действительно всмотрелась в своё отражение. Бледная, затравленная девочка с огромными глазами, полными невыплакан-

ных слёз и немого вопроса. Знакомая, до тошноты знакомая картина. Знакомая и осточертевшая до глубины души.

— Хватит, — тихо, но чётко, с металлом в голосе, сказала я этому жалкому созданию в зазеркалье. — С этого момента ты не брошенка. Не «пустышка». Ты — Ведьма. И они все об этом скоро узнают.

Медленно, как бы совершая ритуал, я распушила свой рыжий хаос кудрей, сбросила ненавистную форму — этот серый мешок, символизирующий мою никчемность — и надела то самое чёрное платье, что ждало своего часа уже давно.

Оно было с высоким вырезом и разрезом у бедра, купленное когда-то втайне ото всех на сэкономленные гроши и пылившееся в самом углу шкафа как запретная мечта. Оно было вызывающим, дерзким и сидело на мне так, будто было сшито по лично моим меркам, подчёркивая каждую линию, каждую изгиб, которые так злобно обсуждали за моей спиной.

Отражение в зеркале было уже не моим. Это была незнакомка. Опасная, решительная, с прямым станом и горящими глазами, в которых плясали не магические искры, но внутренний огонь — дикий, неукротимый огонь ярости и негибаемой воли.

Прихватив Пинки — моего молчаливого сторожа и единственного друга, — я в последний раз окинула взглядом свою каморку. Ничего моего здесь не оставалось. Да никогда

и не было. Это была всего лишь клетка. А теперь пришло время выйти на свободу.

Твёрдой, не дрогнувшей рукой я схватила амулет перемещения. Пальцы сжали его так, что костяшки побелели, впиваясь в гладкую поверхность, хранящую остаточное тепло чужой магии.

— Дом Верст. Комната Асмадель Верст, — произнесла я твёрдо, без тени сомнения, глотая комок нервного возбуждения, подступивший к горлу.

И мир рухнул в бездну, распадаясь на миллионы сверкающих осколков, унося меня из прошлого — в пугающее, но бесконечно желанное будущее.

Глава 3. Дом, милый дом

Собственная комната в Доме встретила меня приглушённым, вибрирующим на грани слышимости гулом магии и давно позабытым, щемящим чувством... принадлежности. Пусть меня здесь и не жаловали, но эти стены, пропитанные вековыми заклинаниями, как старые пергаменты — духами предков, были единственным местом, которое хоть как-то откликалось на мою хаотичную, одинокую силу.

Это была безразличная мудрость древних камней, которой было плевать на сиюминутные семейные дразги. Они помнили не меня лично, а ту дикую силу, что текла в крови нашего рода.

Комнатушка, конечно, была больше похожа на монашескую келью: два шага в длину, два в ширину. Узкая, но мягкая кровать, на которой можно было вытянуться во весь рост — уже роскошь, от которой перехватило дух после спартанских досок в интернате. Крохотный письменный стол, испещрённый именами и мыслями поколений ведьм, навсегда врезавшимися в дерево, и скромная тумбочка, куда помещался мой скудный гардероб.

Я ухмыльнулась, бережно усаживая Пинки на подушку — моего плюшевого свидетеля всех унижений, единственного, кто сопровождал меня на протяжении жизни.

Потребность ощутить связь с Домом была сильнее уста-

лости. Я легла, впиваясь пальцами в шершавый, но тёплый плед, и закрыла глаза. Магия Дома медленно, как живая вода, обволакивала меня, проникая сквозь кожу. Тысячи нитей древней силы вплетались в моё собственное буйное энергетическое поле, которое тут же, к моему изумлению, принялось мурлыкать и ластиться, как голодный, наконец-то нашедший молоко котёнок.

Это было единственное место, где моя магия чувствовала себя не прокажённой, не изгоем, а... в своей стихии. Именно ради этого пьянящего, опасного ощущения я и возвращалась сюда, сквозь насмешки и презрение, сквозь собственный страх.

Этого заряда уверенности хватило ненадолго, но его хватило, чтобы заставить себя двигаться.

Вскочив с кровати, я окинула взглядом своё отражение в потрескавшемся зеркале — рыжая бестия с вызывающей гривой волос, рваной челкой, скрывающей слишком много, и платьем, кричащим о непокорности. Что ж, пора предъявить эту новую версию себя тем, кто ждал увидеть затравленную, сломленную мышь.

Решение идти в гостиную было не бравадой, а необходимостью — разведкой перед боем. Я вышла из комнаты, и каждый шаг по знакомому, но чужому полу отдавался эхом в висках.

Гостиная Дома Верст встретила меня тем же леденящим душу великолепием, что и в детстве. Это был не зал для от-

дыха, а тронный зал в миниатюре, каждый предмет в котором кричал о статусе, традициях и безжалостной иерархии.

Воздух был густым и неподвижным, пахнувший воском для полировки столетних паркетов, сушёными травами, разложенными в серебряных чашах «для аромата», и подлинной, выдержанной магией — не живой и пульсирующей, как в моей комнате, а застывшей, как лакированная поверхность мебели. Высокие потолки тонули в сумраке, а свет исходил от магических сфер, заточённых в позолоченные канделябры. Они отбрасывали холодное, мерцающее сияние, создавая больше теней, чем света.

Доминировали три цвета: тёмно-зелёный — как хвойный лес в лунную ночь, цвет амбиций и скрытности; глубокий бордовый — цвет старой крови и власти, и тёмное, почти чёрное дерево.

Всё здесь было массивным, тяжёлым и вечным.

Прямо над камином, сложенным из тёмного камня, висел герб Дома Верст — стилизованная сова, держащая в когтях молнию и книгу. Её глаза, сделанные из сапфиров, словно следили за каждым в комнате. На каминной полке стояли не безделушки, а фамильные реликвии: хрустальный шар с застывшей внутри молнией и изящный, но смертоносный на вид серебряный кинжал.

Расстановка мебели была не случайной. В центре, будто на острове, стояла массивная софа из тёмной кожи, на которой сидели мои родители — два напряжённых силуэта,

отчуждённые даже друг от друга. Рядом, в самом тёплом и удобном кресле у камина, восседала тетушка Риндалия. Её кресло было не просто мебелью — оно было символическим троном. Стулья вдоль стен были явно для тех, чьё мнение не имеет веса.

— Всем полёта! — бросила я, заставив себя звучать легко, и переступила порог.

Помещение замерло. Воздух, только что наполненный тихим гулом светских разговоров, стал густым и тяжёлым.

Как и ожидалось, весь цвет семейного недовольства был в сборе: тетушка Риндалия с ручным леопардом на коленях; мои «любящие» родители, сжавшиеся на диване; и жемчужина семьи — Берта.

— Ну, здравствуй, сестрёнка... — прошипела она. — Решила порадовать нас своим... присутствием? Нашла на свалке эти тряпки?

Я лишь усмехнулась и с театральным изяществом опустилась на кресло, что явно было оставлено для кого-то довольно значительного.

— Асмадель, — голос матери прозвучал, как удар хлыста. — Что это за платье на тебе? И прибери свою гриву!

Я не моргнув глазом встретила её взгляд, в котором читались раздражение и... что-то ещё, похожее на страх.

— Нет, мама, — произнесла я спокойно, наслаждаясь тем, как это слово, долгое время бывшее под запретом, режет слух.

Наступила гробовая тишина. Лицо матери исказила гримаса такой чистой ярости, что магия вокруг неё вспыхнула ослепительными, гневными змейками.

— АСМАДЕЛЬ!

— Я сказала «нет», — парировала я, и мой голос прозвучал твёрже стали.

— Да как ты смеешь! — начала она, но тетушка Риндалия, не меняя выражения, одним взглядом заставила её замолчать.

— Дилания, сядь.

Риндалия медленно перевела на меня свой взгляд, и я почувствовала, как её магия, холодная и отточенная, скользнула по моей ауре.

— Добро пожаловать домой, Асмадель. Значит, ты получила приглашение на конкурс?

— Получила, — кивнула я. — И я намерена побороться.

— Ты стала сильнее, — констатировала Риндалия, и в её голосе впервые прозвучала тень любопытства.

— Что толку, если моя сила похожа на ураган в стеклянной банке? — парировала я. — Но иногда и ураган бывает полезен. Чтобы сметать всё на своём пути.

— Дом рад тебе, — произнесла тётя, и это прозвучало как приговор. — Первое испытание начнётся сегодня вечером. Вот так просто. Никакой отсрочки.

— Спасибо. Я могу идти?

— Нет. Ты пройдёшь с нами в чайную. Там соберутся все

ведьмы Дома.

Отказаться значило бы показать слабость.

Сердце ушло в пятки, но я сделала глубокий вдох и расправила плечи.

— Я буду рада увидеться с роднёй, — сказала я, и в голосе моём звенела сталь.

Берта встала и явно намереваясь покинуть помещение, все же задержалась на мгновение, проходя мимо.

— Думаешь, несколько дерзких фраз сделают из тебя угрозу, пустышка?

Я медленно повернулась к ней, и на моём лице расцвела ледяная улыбка.

— Милая Берта, будем надеяться, твои чары столь же остры, как твой язык.

Когда она ушла, я осталась одна в огромной, давящей гостиной, среди старших акул дома, продолжая непринужденно улыбаться им.

Теперь мне предстояло пройти следующее испытание — выдержать взгляды всей семьи.

Всё или ничего. Идём на войну.

Глава 4. Домашние разборки

Кто бы сомневался, что семейное чаепитие окажется изошрённой пыткой. Роскошная чайная комната с позолоченными фарфоровыми сервизами и бархатными креслами лишь подчёркивала фальшь происходящего.

Каждый член моего гостеприимного семейства считал священным долгом метнуть в меня ядовитое замечание. «Надо было исключить из Дома сразу...», «Позор роду...», «Никогда не найдёт фамильяра...».

Я давно прошла стадию боли от этих слов; теперь они отскакивали от меня, как горох от брони, оставляя лишь лёгкую, знакомую тяжесть в груди. Моя личная драма отыграла своё много лет назад, когда выяснилось, что я — бракованная модель ведьмы, выпущенная с конвейера рода Верст с кривой магической начинкой.

Дубовый стол, возрастом с пару веков, действительно ломился от яств, но есть было невозможно — комок злости и горечи стоял в горле прочнее любого заклятья. Я лишь вертела в пальцах тончайшую фарфоровую чашку с гербом Дома, боясь, что неконтролируемая магия может разнести её в пыль.

— Ах, я видела, в этом году в наш клан таких котиков направили — просто закачаешься! — донёсся до меня оживлённый разговор неподалёку.

Я машинально прислушалась. Хотя какая-то отдушина после потока гадостей.

— Да... этот выпуск определённо был лучшим за десятилетие. Повезёт будущей главе — сможет выбрать себе самого лучшего! — Другая ведьма, вся в розовых тонах, мечтательно вздохнула. — Жаль, я уже нашла своё счастье. Но, как думаешь, новая глава сможет возвысить Дом до уровня, чтобы ведьмы могли брать себе по два фамильяра?

— Не знаю. Но слышала, в Первом Доме у Верховной Жрицы их пять! — с восторгом прошептала её подруга.

Слушать это было всё равно что лить спирт на открытую рану. Я только-только переступила порог совершеннолетия — тот самый возраст, когда нормальная ведьма начинает выбирать себе партнёра. Я могла бы сейчас с матерью, зарывшись носом в каталоги, обсуждать, какой тип котиков мне больше нравится — высокие брюнеты или рыжие с хулиганским взглядом. Мы бы вместе шили платье для церемонии Инициации, отец с гордостью провожал бы меня в Святилище Фамильяров... А там десятки прекрасных, сильных магических существ кружили бы вокруг, пробуя мою магию, чувствуя мою душу, выбирая меня так же, как и я их...

Я смачно выругалась про себя, смахивая предательскую слезу, пока никто не видел. Нет уж, хватит самобичевания.

— А ты, кажется, Асмадель? — обратилась ко мне та самая девушка, что начала разговор про фамильяров.

Вот оно. Началось. Сейчас посыпятся колкости. Я лишь

кивнула, готовясь к удару.

— Мы не были знакомы, я Джоана, — она улыбнулась вполне искренне.

Я насторожилась. Подвох?

— Попутного ветра, — буркнула я, сохраняя маску безразличия.

— И тебе. Слышала, ты одна из участниц конкурса?

Вот и он, первый камешек в мой огород. Но её подруга тут же ткнула её локтем в бок, с ужасом вытаращив глаза.

— Эй, ты что! Это же та самая Асмадель...

Джоана вдруг побледнела, смотря на меня так, будто я только что материализовалась из мира духов.

— Ой. Извини, пожалуйста, — пробормотала она, и в её глазах читался неподдельный испуг.

Я удивлённо моргнула. Она... извиняется? Передо мной? Невероятно.

— Всё в порядке, — пожала я плечами, чувствуя лёгкое головокружение от этой смены сценария.

Вернувшись в свою келью, я чувствовала себя так, будто меня пропустили через магическую мясорубку. Я была морально разбита и физически истощена, хотя до первого испытания оставались считанные часы. И я была чертовски голодна. Каждая попытка поднести вилку ко рту прерывалась «доброжелательным» комментарием о моей никчёмности.

С грохотом плюхнувшись на кровать, я накрыла голову

подушкой. Сильной быть чертовски утомительно. Но... что-то внутри щёлкало от удовольствия, когда я сохраняла ледяное спокойствие, наблюдая, как мои обидчики звереют от бессилия.

Взгляд упал на часы. Пять минут на передышку, а потом — собираться. Если, конечно, у меня есть что собирать. У меня даже нормальной одежды для испытаний не было. Я потянулась к Пинки, прижимая его потрёпанный бок к щеке.

— Только ты меня понимаешь, котик, — прошептала я. — Как бы я хотела, чтобы ты ожил и сказал, что всё будет хорошо. Даже если бы ты так и остался плюшевым... мне бы хватило.

Страх сковал меня похуже любого парализующего заклятья. Колени дрожали, сердце колотилось где-то в горле. Ведьмы гибли на этих испытаниях. А у них была послушная, управляемая магия. Что уж говорить обо мне...

«Соберись, тряпка!» — мысленно крикнула я себе, резко вставая. — «Ты сильная. Гордая. И у тебя всё получится! А если нет... какая разница, как умирать: медленно и жалко, от голода и одиночества, или в бою, с гордо поднятой головой?! По крайней мере, во втором случае есть шанс кого-нибудь напоследок огреть этой самой непослушной магией!»

Я пару раз провела расчёской по своей огненной гриве, расправила чёрное платье — мой единственный доспех — и, отбросив все сомнения, распахнула дверь.

Огромный ритуальный зал, где будет проходить испыта-

ние, был высечен из тёмного базальта. Высокие своды терялись в дымке, а по стенам, в нишах, горели факелы, отбрасывая на пол гигантские, пляшущие тени. Воздух был холодным и пах озоном, камнем и древней магией. Я не любила это помещение с детства. Там я чувствовала себя маленькой и незначительной.

Обычно безлюдные коридоры сегодня кишели народом. Всё семейство, от мала до велика, собралось поглазеть на зрелище. Дети носились с визгом, котики в зверином облике ловко уворачивались от них, а воздух гудел от возбуждённых голосов.

Даже сам Дом, казалось, вибрировал от предвкушения.

— Асмадель! — Резкий окрик, и чьи-то костлявые пальцы впились мне в запястье. Это была мать, её лицо искажено гримасой ярости. — Не заставляй меня краснеть ещё больше! Все ждут только тебя!

Я едва успела сообразить, что до начала испытания ещё пятнадцать минут, как меня потащили за собой, как мешок с картошкой.

Большой ритуальный зал встретил меня гулкой тишиной, сменившейся шепотком, когда меня втокнули в центр.

— Она здесь! — Меня, как диковинную зверюшку, выставили на всеобщее обозрение и бросили.

— Отлично! — раздался чей-то голос. — Действуй!

И тут моя мать, с театральным злорадством улыбаясь, выступила вперёд. В её руке сверкнуло лезвие. Обычный ку-

хонный нож.

— Иди сюда, Асмадель... — её голос прозвучал сладко и зловеще.

Адреналин ударил в голову. Круг ведьм вокруг меня сомкнулся, не оставляя пути к отступлению. Короткий замах — и я инстинктивно рванулась в сторону. Лезвие со свистом рассекло воздух. Я взвизгнула. Моя магия, всегда готовая к буйству, отозвалась на животный ужас. Плотный, видимый невооружённым взглядом щит из необузданной силы взметнулся вокруг меня, отливая перламутром и алым заревом. Второй удар — и нож, словно в густой смоле, застыл в полуметре от моего лица.

В зале повисла оглушительная тишина. Я, вся дрожа, сжалась в комок, ожидая конца.

— А я говорила... — раздалось в тишине старческий, полный удовлетворения голос.

— Да не может быть! — ахнули хором. Их изумление было столь же искренним, сколь и оскорбительным.

И тут во мне что-то щёлкнуло. Страх испарился, уступив место леденящей ярости. Щит лопнул с оглушительным хлопком, нож с грохотом упал на каменный пол.

— Что. Здесь. Происходит? — Я выпрямилась во весь рост, и мой голос, звенящий от бешенства, разрезал тишину, как тот самый нож.

Они молчали, смотря на меня с новым, странным выражением — смесью шока и... уважения?

— Я задала вопрос! — прогремела я, и магия внутри заклокотала, угрожая вырваться наружу.

В этот момент дверь с грохотом распахнулась, впуская остальных претенденток — Берту, Лиринель и Грету. Толпа хлынула в зал, и момент истины был упущен. Мои «родственники» мгновенно растворились среди зрителей, делая вид, что ничего не произошло. Пришлось смириться с тем, что справедливости не будет и выпрямить спину.

— Испытание! — пронеслось по залу.

Нас быстро построили в линию. Я поймала на себе взгляд Берты — в её глазах читалась не просто злоба, а тревога. Отлично. Пусть боятся.

Воздух в зале сгустился, наэлектризованный сотней взглядов.

— Испытание началось! — прозвучал гонг.

И в тот же миг знакомое, леденящее душу ощущение окутало меня. Мир поплыл, краски поблёкли, звуки исказились. «Стынь». Моё же собственное, вышедшее из-под контроля заклятье, которое я когда-то наколдовала в классе. Оно вернулось. И на этот раз оно было направлено на меня.

Тёмный, искажённый силуэт отделился от стены и поплыл в мою сторону. В его руке, мерцая неестественным светом, был тот самый кухонный нож.

Первое испытание началось. И противником в нём оказалось моё самое страшное воспоминание, материализовавшееся в кошмарной реальности.

Глава 5. Первое испытание

Не то чтобы я боялась... Чёрт с ним, с этой ложной бравадой — я была на грани паники, до самого края, и следующий шаг мог сбросить меня в бездну истерики! Но минута... две... три... Время растянулось, потеряв всякий смысл. Тишина стояла такая густая, что, казалось, ею можно было подавиться. Воздух был тяжёлым и безвкусным, как пепел сгоревших надежд.

— Эй, есть кто? — мой голос утонул в серой, безжизненной мгле, не вызвав даже намёка на эхо.

Ответом была лишь гнетущая, всепоглощающая тишина, давившая на барабанные перепонки. Я вытянула руки вперёд, делая осторожный, почти крадущийся шаг. Затем другой. Проклятие! Это было похоже на хождение по дну гигантского, безграничного аквариума, наполненного живым, дышащим туманом.

Я шла, и с каждым шагом всё острее ощущала, как что-то древнее, живое и мыслящее в этой мгле пристально, неотрывно наблюдает за мной. Его внимание было осязаемым, как липкая паутина на коже, вызывающая мурашки.

— Привет, — тихо, почти выдохом, бросила я, останавливаясь, когда стало ясно — бессмысленно куда-то идти в месте, где нет направления.

Я обхватила себя руками, пытаюсь унять предательскую

дрожь, хотя леденящий холод исходил не извне, а из самого нутра, из глубины охваченной страхом души.

— Здравствуй, ведьма. Почему ты остановилась? Ты почти пришла. — Голос был одновременно и знакомым до мурашек, будто сложенным из обрывков детских кошмаров, и абсолютно чужим. Он звучал так, будто его ткут из шёпота сотни людей, говорящих в унисон.

Я вскинула голову, бешено озираясь, пытаюсь найти источник. Пришла? Куда?! Вокруг лишь бесконечная серая пустота!

— А куда, собственно, я должна была прийти? — спросила я уже с вызовом.

Ответа, конечно, не последовало. Но в следующий миг мир перевернулся с ног на голову. Не было ни плавного перехода, ни ослепительной вспышки — я просто вдруг, с шокирующей ясностью, осознала, что стою в пещере. Стены из чёрного, отполированного до зеркального блеска камня множили моё бледное, испуганное лицо и широко раскрытые глаза.

В центре на возвышении из того же чёрного камня лежал идеально гладкий белый овал, похожий на гигантское яйцо, плывущее в невесомости. Он излучал мягкое, фосфоресцирующее свечение, и в его молочной глубине лениво пульсировали розовые и фиолетовые прожилки, словно кровеносная система.

— Подойди ближе, ведьма.

Я сглотнула комок, вставший в горле, и заставила ноги, ватные от слабости, двигаться вперёд. Мои бесчисленные отражения в стенах пещеры в точности повторяли каждый мой шаг, будто за мной по пятам шла целая армия потерянных и напуганных Асмаделей.

— Ну, я здесь. Что дальше? Показать фокус? Спеть песню? — мои саркастичные слова бесследно повисли в спёртом воздухе, и снова — лишь давящая тишина в ответ.

Чёрт поberi! Ладно, Асмадель, собери свои извилины в кучу и думай! Алтарь. Что ему нужно? Энергия. Классика жанра: жертва, секс или... кровь.

Поскольку приносить в жертву тут некого, кроме себя самой, а с сексом в моей жизни и так полная невезуха... Оглядевшись, я заметила на полу, у самого основания алтаря, острый, как бритва, осколок чёрного обсидиана, будто кто-то специально, с намёком, его оставил.

— Ага, попался, — проворчала я, поднимая его. Лезвие было обжигающе холодным и невероятно острым. Без лишних раздумий, на волне отчаяния и решимости, я провела им по ладони. Боль, острая, чистая и отрезвляющая, на секунду перекрыла весь страх. — Так, дорогуша, — обратилась я к камню, прижимая окровавленную, пылающую болью ладонь к его прохладной поверхности. — На, полакомься. Только давай без фокусов, у меня нервы не железные.

Алая жидкость не растекалась, а мгновенно впитывалась в безупречную белизну камня, как вода в сухую, растрескав-

шуюся землю. Я не только увидела, но и почувствовала, как из меня вытягивают не только кровь, но и самую жизненную силу, энергию.

Моя собственная дикая магия забилась внутри, испуганная и возмущённая, но мощный, неумолимый поток было не остановить. Камень начал светиться ярче, прожилки в нём запульсировали быстрее, словно сердцебиение пробуждающегося существа.

— Достаточно, ведьма, — прозвучал голос, когда у меня уже подкашивались ноги и в глазах плясали чёрные пятна.

Я едва успела отдернуть руку. Глубокий порез на ладони затянулся на глазах, оставив лишь тонкую, розовую, совсем свежую полоску. Я удивлённо моргнула, переворачивая кисть. Ничего себе аптечка!

— Ну что, доволен? Теперь отпустишь? — спросила я, пытаюсь вложить в голос остатки дерзости, но в ответ повисла та же вселенская, насмешливая тишина.

— Испытание, — вдруг прошептал голос прямо у меня в голове, холодный и безразличный.

— Что?! — взывала я от нахлынувшей обиды и бессилия. — Ты сначала выжал из меня все соки, как из лимона, а теперь заявляешь об испытании?! Это чёртов обман! Надувательство!

Но пейзаж не менялся. Прошло десять минут. Двадцать. Я в ярости пнула алтарь носком туфли, отскочила, потёрла ушибленные пальцы и в конце концов, в полном бессилии,

плюхнулась на него сверху, как на диван.

— Ладно, я сдаюсь. Делай что хочешь. Умирать, так с комфортом.

И в тот самый миг, когда я, наконец, перестала бороться и позволила волне отчаяния, злости и горькой обиды захлестнуть себя с головой, когда в голове пронеслись, как кадры из проклятого кино, все детские обиды, вся горечь одиночества и яростное возмущение несправедливостью мира... голос прозвучал снова, и в нём впервые прозвучали нотки чего-то, похожего на удовлетворение.

— Испытание пройдено.

— Что пройдено?! — вскочила я, как ужаленная. — Я ничего не делала! В чём оно заключалось, чёрт тебя поberi?!

— Возвращайся.

Серая, удушающая пелена снова накатила на моё сознание, затягивая, как болото. Я успела лишь послать этому проклятому месту и его загадочному хозяину пару самых крепких мысленных ругательств, прежде чем мир окончательно растворился в небытии.

Я очнулась в большом зале, по-прежнему стоя в кругу зрителей. Их взгляды, всего несколько минут назад полные жадного ожидания, сменились полным недоумением. Я же сама чувствовала себя абсолютно опустошённой, выпотрошен-

ной, но, к собственному удивлению, живой.

— Вторая, — этот голос, холодный, острый и отточенный, как лезвие гильотины, вонзился в меня больше любого ножа. Это была моя мать. Она смотрела на меня с тем же ледяным, непробиваемым презрением, будто я была пятном на фамильном гербе. — Всё равно ты не станешь главой, Асмадель. Уходи. Пока не опозорила окончательно. Не заставляй нас наблюдать этот фарс до конца.

Эти слова, произнесённые с леденящим спокойствием, добили меня окончательно. Вся моя недавняя решимость, весь огонь, что ненадолго разгорелся в той странной пещере, погасли, затопленные старой, знакомой, всеразъедающей болью.

Вся уверенность испарилась, оставив после лишь зыбкую пустоту. Я не видела ничего, кроме сотен пар глаз, жаждущих моего провала, ловящих каждый мой вздох, каждую дрожь.

Не говоря ни слова, сжавшись изнутри, я развернулась и побежала. Я мчалась по бесконечным, мрачным коридорам родового гнезда, не разбирая дороги, пока горькие, обжигающие слёзы не застилали глаза, а в ушах не стоял оглушительный, навязчивый звон, выбивающий один-единственный такт: «Пу-стыш-ка... Пу-стыш-ка...».

Глава 6. Встреча на крыше

Крыша. Моё вечное, спасительное убежище.

Место, где в детстве я пряталась от насмешек, а холодный камень парапета и одинокие звёзды были моими единственными друзьями. Вот и сейчас, гонимая старыми демонами и свежим унижением, я инстинктивно рванула сюда, наверх, под прохладное, бесконечно чёрное бархатное небо.

Воздух пах озоном предчувствующей грозы и пьянящей свободой.

Я сделала глубокий, сбивчивый вдох, пытаюсь выдохнуть из себя весь тот угар стыда и горечи, что сковал грудь тугой, невидимой удавкой. Подошла к самому краю, к невысокому, почти предательскому парапету, и опустила на него, свесив ноги в тёмную, манящую пустоту.

Город внизу был усыпан россыпями холодных огней, а над головой сиял Млечный Путь — величественный, безмятежный и абсолютно равнодушный к моим маленьким, никчёмным драмам.

— Кто обидел такую красавицу?

Голос прозвучал так внезапно и так близко, что я вздрогнула всем телом и едва не потеряла равновесие, сердце прыгнуло в горло. Он был низким, бархатным, с ленивой, кошащей растяжкой гласных, от которого по спине пробежали мурашки. Я обернулась и... обомлела, забыв как дышать.

В паре метров от меня с непринуждённой, почти вызывающей грацией хищника, сидел мужчина. Нет, не мужчина — самое настоящее, явившееся из ночи божество. Как я могла его не заметить?

Он будто состоял из самого мрака и отражённого лунного света. Тёмные, чуть растрёпанные волосы, будто их только что ласкал ночной ветер. Резкие, но до идеальности выточенные черты лица. А глаза... огромные, гипнотические, зелёные, как непроходимые тропические джунгли, с вертикальными, живыми зрачками, в которых пульсировала дикая, древняя магия. В них отражалось всё звёздное небо, и мне вдруг страстно, до боли захотелось стать одной из этих далёких, пойманных в его взгляде звёзд.

— С чего ты взял, что меня обижали? — выпалила я, гордо вскинув подбородок, пытаюсь скрыть дрожь в коленях, но предательская, солёная влага на ресницах выдавала меня с головой.

И тут до моего ошарашенного сознания донеслось это слово... «красавица». Ко мне. Асмадель Верст, «пустышке», «позору рода». Сердце ёкнуло, совершив маленький, глупый кульбит.

— Разве нет? — Он встал и подошел ближе, бесшумно, как призрак, и воздух вокруг мгновенно зарядился статикой, запахло грозой.

От него исходила осязаемая аура дикой, необузданной силы. Мой внутренний хаос, моя строптивая магия, востре-

нулась, почуяв родственную душу, и рванулась навстречу.

— Слёзы на твоём лице — это роса? Или, может, дождь по заказу?

— Н-нет... — мой голос предательски дрогнул, сорвавшись на шепот. Я чувствовала, как по коже бегут разряды, а в животе теплеет. Он был так близко, что я могла разглядеть каждую его длинную ресницу, каждую тень, лёгшую на его высокие скулы. Мои пальцы сами собой сжались, представив, каковы на ощупь эти тёмные, шелковистые пряди.

— О чём ты думаешь, загадочная незнакомка? — его зрачки сузились в две чёрные, хищные щёлочки, а кончик носа легко дрогнул, словно он улавливал не запах, а сам вкус моей магии, солёный привкус моих слёз и пьянящий аромат моих эмоций.

Этот пронизывающий взгляд парализовал волю. Я почувствовала, как моя собственная сила, всегда буйная и непокорная, вдруг ожила и потянулась к нему тонкими, невидимыми, но такими жадными щупальцами. Она вилась вокруг него, как лиана, изучая, ласкаясь, желая... присвоить, выпить, слить воедино этот мрак с моим собственным пламенем.

— Я... — я попыталась что-то сказать, отогнать наваждение, но слова застряли в пересохшем горле комом.

— Ты... — его бархатный голос прозвучал как самое сильное колдовство. Он медленно, почти невыносимо, наклонился ко мне, и его тёплое дыхание коснулось моей кожи, пахну-

щее ночным ветром, тёмным мёдом и чём-то диким, первозданным, звериным. — Пахнешь бурей. И звёздной пылью. Восхитительно.

Это было слишком. Переполненная этим шквалом ощущений, я резко вскочила, мир на мгновение поплыл, край крыши коварно ушёл из-под ног. Но вместо ожидаемого падения в пустоту я ощутила твёрдое, обжигающее тепло на талии.

Его рука. Она притянула меня к себе, не давая упасть, и на одно стремительное, вечное мгновение наши тела соприкоснулись. Ноги подкосились, в висках застучала кровь, а внизу живота вспыхнул жаркий, стремительный, всепоглощающий огонь. Мы были на открытом воздухе, под всем небом, а мне отчаянно, до головокружения не хватало воздуха!

Он смотрел на меня, а я тонула в этих зелёных, бездонных омутах, в которых теперь плясали, отражаясь, все огни города, все мои потухшие надежды и внезапно родившаяся новая, безумная мечта.

— Мы ещё обязательно встретимся, красавица, — прошептал он, и его губы в сантиметре от моих изогнулись в дерзкой, многообещающей, колдовской улыбке. Его дыхание обожгло меня, как самый страстный, несостоявшийся поцелуй. — Твоя буря... она зовёт меня. И я приду на её зов.

И он исчез. Не растворился в воздухе, а будто шагнул в саму тень и стал ею. Воздух сомкнулся там, где он только что стоял, с лёгким шелестом, оставив после себя лишь вихрь

колючей магии, сладковатый запах грозового ветра и оглушительную, звенящую тишину.

Я осталась одна. Вся дрожащая, как в лихорадке, с бешено колотящимся сердцем, с кожей, по которой всё ещё бежали разряды магии, и с губами, что пылали и ныли от эха его близости.

— Обязательно, — выдохнула я, касаясь кончиками пальцев своих губ, на которых застыло обещание, сладкое и опасное, как запретное зелье.

Внезапно я рассмеялась. Тихим, счастливым, почти безумным смехом, который рвался из самой глубины души. Чёрт побери все испытания! К чёрту всю мою ядовитую семью! Где-то там, в этой ночи, есть котик, который назвал меня красавицей и почувал во мне не брак, не ошибку, а бурю, стихию, достойную его внимания.

Я расправила плечи, откинула голову, и моя рыжая, непокорная грива взметнулась на внезапно налетевшем ветру.

Теперь у меня появилась новая, куда более приятная и личная причина выиграть этот дурацкий конкурс. Нужно во что бы то ни стало стать главой этого дома. Чтобы получить право.

Право выбрать самого лучшего, самого могущественного и самого красивого фамильяра. И я уже точно, без тени сомнения, знала, какого именно.

Глава 7. Найденный котик

— Ты должна соответствовать, должна выглядеть, должна... — передразнила я ядовитым, сдавленным шёпотом заглавы дома, до белизны сжимая в руке кожаный кошель. Он был тугим, налитым монетами, но каждая из них жгла мне ладонь, как раскалённый уголь.

Подачка. Не помощь, а унижительная милостыня, вручённая с тем же выражением, с каким выбрасывают мусор. Презрительный взгляд и тон, полный ледяного снисхождения.

Эта тётка всегда смотрела на меня как на брак в родовой линии, на досадное пятно на безупречном гобелене рода Верст. Удивительно, как прежняя глава её терпела — должно быть, из извращённого чувства юмора.

Торговые ряды пестрели ослепительным изобилием шёлка, бархата и поблёскивающих безделушек, но мои планы были куда прозаичнее и отчаяннее. Всё своё состояние — и эти жалкие, пахнувшие презрением гроши, и те, что я годами, стиснув зубы, копила в интернате, делая домашку за ленивых наследниц и объясняя азы магии плаксивым младшеклассникам, — я собиралась вложить в один-единственный, возможно, мифический артефакт. Стабилизатор.

Устройство, которое, быть может, поможет мне возвести хоть какие-то плотины против моего личного, бушующего магического ада. Пусть шансы ничтожны, но я обязана по-

пробовать. Это был мой последний якорь.

С тяжёлым вздохом, чувствуя, как на глаза наворачиваются предательские слёзы бессилия, я прошла вдоль лавок, высматривая что-то по-настоящему серьёзное. Всё, что по-падалось, было слабее детской погремушки по сравнению с ураганом, бушевавшим у меня внутри. Мне была нужна не игрушка, а магический шлюз, способный усмирить цунами.

Углубившись в шумные улочки города, я наконец почувствовала на коже вкус настоящей, ни от кого не зависящей свободы. Совершеннолетие — вот он, мой пропуск в мир за стенами дома, пахнувший не озоном магии, а пылью, специями и самостоятельностью.

Я шла по богатым, вылизанным улицам, всматриваясь в вывески, но вместо желанных лавок артефактов видела лишь сияющие витрины бутиков и душистые кондитерские. И вдруг...

Тихий, жалобный, почти неслышный звук прорезал воздух, перекрыв городской гамм. Я замерла, затаив дыхание. Снова — тонкое, отчаянное «мяу», в котором слышалась не просто просьба, а мольба. Не просто кота, а фамильяра.

Я безошибочно узнала эту магическую, вибрирующую ноту.

Присев на корточки, я принялась высматривать среди пёстрых цветочных кадок и равнодушных ног прохожих.

— Эй, пушистик? — позвала я тихо, и сердце забилось с безумной, смешной надеждой.

Ответ донёлся откуда-то снизу, из-под земли. Я нахмурилась и опустила взгляд на массивную чугунную решётку ливнёвки. Между её рёбрами виднелась лишь влажная грязь и непроглядный мрак.

— Ты там? — я, не задумываясь, опустилась на колени на грязный булыжник, не обращая внимания на дорогое, теперь безнадёжно испорченное платье. Плевать. Пусть прохожие косятся на сумасшедшую рыжую ведьму. Похоже, я забрела в чисто человеческий квартал, а им, слепым к магии, хоть кот, хоть фамильяр — всё едино.

— Мяс! — послышалось увереннее, прямо подо мной.

— Как тебя угораздило, малыш? — проворчала я, с силой пытаюсь сдвинуть тяжёлую, вросшую в землю решётку. Без толку. — Может, в человека превратишься? Сэкономишь энергию, выберешься сам.

В ответ — лишь грустный, безнадёжный вздох. Понятно. Котики, не нашедшие свою ведьму, питаются энергией от безликих городских артефактов. А этот, судя по всему, был на последнем издыхании.

Сердце сжалось от острой, щемящей жалости. Кто мог так поступить? Бросить такое чудо?

Собрав волю в кулак, я снова, с рыком, навалилась на решётку. Металл с противным скрежетом поддался, открыв узкую, но достаточную щель. Внизу, в холодной грязи, сидел крошечный чёрный комочек с огромными, сияющими в темноте голубыми глазами. Он мелко дрожал.

— Бедняга, — прошептала я, заглядывая в эти умные, полные страдания и безмерного доверия глаза. Шерсть, которая должна была переливаться магическим блеском, потускнела и сбилась в колтуны, рёбра отчётливо проступали под тонкой кожей. Нужно было действовать быстро.

Осмотревшись, я заметила сушившееся неподалёку на верёвке бельё. Идея!

— Держись, пушистик, сейчас будет операция по спасению! — крикнула я, срывая с верёвки длинную белую простыню. Вернувшись к люку, я опустила её конец вниз. — Хватайся! Изю всех сил!

Котик из последних сил вцепился в ткань крошечными коготками, но подняться у него не было сил. Пришлось тянуть его самой, чувствуя, как напрягается каждая мышца, а по спине струится пот. Наконец, он был наверху — маленький, дрожащий, пахнущий сыростью, грязью и отчаянием. Я, не раздумывая, прижала его к груди, пытаюсь согреть своим дыханием и теплом.

— Мяу, — он слабо, но благодарно лизнул мне пальцы, шершавый язычок коснулся кожи, и что-то в груди перевернулось, ёкнув от внезапной, незнакомой нежности.

— Голодный? У меня не так много свободных денег, но на рыбку найти смогу. Согласен? — спросила я, и голос мой дрогнул.

В ответ он лишь сильнее прижался холодной мордочкой к моей шее, и его доверие, такое хрупкое и безоговорочное,

обожгло меня сильнее любой магии. Я понесла его назад, к рынку, но ни в одной лавке не было ни свежей рыбы, ни мяса. Лишь сладкие пирожки да засахаренные фрукты.

— Ладно, провал, — вздохнула я, чувствуя, как по спине бежит разочарование. — Тогда, может, ко мне? Дом — не сахар, ты уж меня прости. Но еду для тебя я раздобуду. И, возможно, даже найду накопитель энергии, чтобы ты смог превратиться и рассказать, как тебя зовут.

Котик тихо, хрипло мурлыкнул в ответ. Я не удержалась и легонько дунула ему в самое ухо, и оно дёрнулось.

— Только предупреждаю, — сказала я, и на моих губах расцвела самая настоящая, неуверенная улыбка, — я та ещё находка для фамильяра. Неполноценная ведьма, брак рода, ходячая магическая авария. Так что после того как обратишься в человека, с криками не бежать!

И в этот самый момент, когда были произнесены эти слова, моя магия, до этого тихая и послушная, будто притихшая в ожидании, вдруг взорвалась. Но не хаотичным, разрушительным вихрем, а тёплой, золотистой, целительной волной, которая мягко обволокла котика, словно самое нежное в мире одеяло. Он замер, а потом... заурчал. Громко, раскатисто, как маленький, но уверенный в себе моторчик.

Это был не просто звук — это была сама магия, чистая, искренняя и направленная не на разрушение, а на защиту, на исцеление.

Я застыла, чувствуя, как что-то щёлкает внутри, будто ста-

рый, ржавый замок на двери, которую я считала наглухо заколоченной.

Возможно, это не я нашла его. Возможно, это он выбрал меня. И впервые за долгие, долгие годы я почувствовала внутри не бурю, не хаос и не разрушительный вихрь, а нечто иное. Нечто, похожее на тишину. Тишину после долгой, изматывающей бури.

Глава 8. Первый котик

— Ну что, пушистик, осваиваешься? — я заглянула в комнату, сжимая в руке невзрачный серый камушек, который, однако, отзывался на ладони едва заметным тёплым пульсом. — А я, между прочим, раздобыла кое-что для твоей подпитки. — Умолчала, разумеется, о том, как пришлось выменять его у младшего кузена за полкоробки пастилы, припугнув, что иначе расскажу всем про его тайный, позорный побег в город на днях. — Держи, только смотри не сломай. Его вернуть надо, а то мне шею свернут.

Котик, свернувшийся калачиком на моём застиранном одеяле, понимающе кивнул умной мордочкой, и его хвост лениво взметнулся в воздухе. С насущными проблемами вроде еды я уже разобралась — на кухне, пользуясь всеобщей суматохой и собственным опытом лазутчика, умудрилась стащить сдобренный травами кусок жареной курицы и глиняную миску густых, пахнущих ванилью сливок. Пока я бегала за артефактом котик явно успел как следует наесться, судя по вылизанным дочиста тарелкам.

Теперь оставалось самое сложное и рискованное — вымыться. Правда это он уже сам будет делать, став человеком.

Мой «роскошный» номер с собственной ванной, разумеется, не располагал, так что путь лежал в общую, вечно занятую. И лучше проверить заранее, не устроила ли там ка-

кая-нибудь тётушка вечеринку для своего фамильяра с аромасламами и сплетнями.

— Ладно, сиди тут, как мышь под веником, — скомандовала я, пытаюсь придать голосу суровости. — Пойду, разведую обстановку. Ни шороха!

Выскользнув из комнаты, я пулей помчалась по бесконечному, тёмному коридору, постучала в массивную дубовую дверь ванной и, не дожидаясь ответа, резко распахнула её. Пусто! Лишь запах влажного камня и мыла.

С облегчением выдохнув, я стремглав помчалась обратно, чтобы проводить своего гостя в это святилище чистоты.

— Так, маршрут свободен, можно... — я замерла на пороге, рот открыт, слова застряли в горле, словно кость.

Мой внутренний магический ураган, до этого мирно дремавший, встрепенулся и ударил по крови адреналином, сладким и огненным. Сердце забилося так бешено и громко, будто пыталось вырваться из груди и припасть к его ногам.

На кровати сидел... нет, не сидел — возлежал, с королевской, врождённой непринуждённостью, второй за сегодняшний день шедевр, ниспосланный самой судьбой. Только если первый, с крыши, был воплощением ночного, хищного очарования, то этот... этот был тёмным ангелом с ореолом из запретного плода. Его волосы цвета воронова крыла, отливающие синевой, обрамляли смуглое лицо мягкими, шелковистыми прядями, а глаза... Боги, эти глаза! Бездонные, цвета летнего неба после грозы, пронзительные и ясные, с золо-

тистыми искорками вокруг зрачков. В них можно было утонуть, заблудиться и сгореть.

— Э-э-э... — блестяще показала свой интеллект во всей красе я, чувствуя, как горит всё лицо, а по спине бегут противные, предательские мурашки.

— Спасибо, что не прошла мимо, — его голос был тёплым, как летний мёд, и обволакивающим, как дорогой шёлк. Уголки его идеальных губ дрогнули в лёгкой, чуть виноватой улыбке, от которой у меня подкосились ноги, и мир поплыл.

Магия внутри забилась в истерику, требуя выхода, требуя прикоснуться, ощутить эту ауру, вплестись в неё.

— Да не за что... — выдавила я наконец, с трудом переводя дух. Красота, конечно, страшная сила, но надо же сохранять хоть подобие достоинства, Асмадель! — Так... а как ты вообще умудрился в той канализации оказаться? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал и звучал как можно более сурово.

Парень, а он явно был моим ровесником, смущённо потупился, и длинные ресницы отбрасывали тени на его щёки.

— Боюсь, я... нарушил закон. Прятался от погони и... ну, ты знаешь остальное. — Он нервно, изящным жестом провёл рукой по волосам, откидывая их назад, и этот жест был до неприличия, до боли обаятельным.

Я удивлённо моргнула, заставляя затуманенный сознанием мозг работать. Нарушил? Свободный котик, да ещё и та-

кой... И всё же что-то здесь было не так, щёлкало на задворках разума тревожным звоночком.

— Нарушил? — переспросила я, поднимая бровь и скрепя руки на груди, пытаюсь казаться выше и грознее.

— Да. Я... кое-что украл, — он покраснел, и этот румянец на его смуглой коже выглядел до странности искренне. — И... я понимаю, твой долг — вызвать стражу, но, прошу, дай мне сначала объясниться! — Он посмотрел на меня умоляюще, и его небесно-голубые глаза стали совсем влажными, сияя, как два озера.

Внутри у меня всё сжалось в тугую, тревожный узел. Воровство? У котика, которого и так должны содержать и оберегать? Мои подозрения крепили, обрастая ледяными шипами.

Я кивнула, давая ему продолжать, но сама уже начала собирать волю в кулак, готовясь к худшему.

— Прости, я не могу рассказать всё. И... я безумно благодарен тебе, но... мне нужно идти! Меня ждут! — Он резко встал, его движения, плавные мгновение назад, выдали спринтерскую готовность к бегству.

А вот это уже меня взбесило по-настоящему. Использовать моё сострадание как трамплин для побега?

— Постой-ка, — я шагнула вперёд, перекрывая ему путь к двери, чувствуя, как по жилам разливается знакомый гнев. Я пусть я была ниже, но все равно пыталась пронзить его взглядом. — Никуда ты не пойдёшь, пока не расскажешь мне

всё. С самого начала. Без недомолвок.

Я не знала, как это вышло — то ли это сработала моя собственная ярость, то ли древняя, дремлющая магия Дома, почуявшая ложь и всколыхнувшаяся, — но кончики моих пальцев зажглись холодным, серебристым светом. Тонкие, почти невидимые нити моей силы, острые, как лезвия, потянулись к нему, окутывая его лёгким, но неумолимым свечением. Он напрягся, пытаясь сопротивляться, отшатнуться, но не смог. Его воля, такая сильная мгновение назад, таяла под напором правды, которую требовала моя магия.

— Ладно... — он сдался, его плечи обмякли, и в позе читалась горькая покорность. — Я родился в семье изгоев. Мать — ведьма, изгнанная из клана за любовь. Отец — фамильяр, не оставивший её. Мы жили... как обычные люди, скрываясь. Пока одна из ведьм старого клана матери не решила, что мы «позорим репутацию» просто своим существованием. — Его голос дрогнул от сдержанной ненависти. — Год назад мы с младшим братом остались одни. А ты ведь знаешь, что с одинокими фамильярами, без роду и племени, делают?

Я молчала, сердце сжимаясь в ледяной ком, и он сам ответил на свой вопрос, его голос стал твёрдым и горьким, как полынь:

— Интернаты. Каторга под благовидным видом заботы. Для ведьм — учителя и наставники. Для нас, особенно для тех, у кого за спиной нет сильного клана, — надсмотрщики и рабский труд под вывеской «обучения служению». Я не от-

дам туда своего брата. Мы скрывались. Воровали, чтобы выжить. А сегодня... сегодня я попытался стянуть для него хоть что-то получше, чем объедки с чужого стола. Меня поймали, я сбежал и спрятался в той чёртовой дыре. Если бы меня нашли, они бы с помощью магии вышли на след и нашли брата... а я не могу этого допустить. Лучше смерть.

Он умолк, с вызовом глядя на меня, словно ожидая, что я сейчас же, не медля, позову стражу и выставлю его на расправу.

А я... я смотрела на него, и кусок за куском в моей голове складывалась ужасная, чудовищная картина. Я-то, наивная, думала, что интернаты для фамильяров — нечто вроде наших, строгих, спартанских, но в целом справедливых. Оказалось, я была слепой, глупой дурой, не видевшей дальше собственного носа.

— Постой, — тихо сказала я, и нити магии ослабли, свет погас. — Ты хочешь сказать, что все эти разговоры о «почётной службе» и «священном союзе» — всего лишь красивая ложь для тех, у кого нет влиятельной семьи за спиной?

Он горько, беззвучно усмехнулся.

— Для таких, как я и мой брат, это не служба. Это рабство. В цепях из вежливых слов и лицемерных улыбок. И я скорее умру, чем отдам его в этот ад.

В его глазах горела такая решимость, такая безупречная, чистая, отчаянная правда, что мои последние сомнения развеялись, как дым. Чёрт побери. Чёрт побери всех этих лице-

мерных, самодовольных ведьм, весь этот прогнивший, лживый строй. И чёрт возьми мою неуправляемую магию, которая вдруг... вдруг утихла, слушая его, превратившись не в буйный вихрь, а в тихий, ясный, стальной гнев.

Я сделала шаг назад, освобождая ему путь к двери, но не к бегству, а к надежде.

— Ладно, — сказала я, и мой голос прозвучал твёрдо, без тени сомнения. — Я не выдам тебя.

Его глаза расширились от шока и недоверия, в них мелькнула искра недоумённой надежды.

— Но... — он начал, не веря своему счастью.

— Никаких «но», — перебила я, и на моём лице, наконец, впервые за долгие годы, появилась не саркастичная ухмылка, а настоящая, решительная улыбка. — Ты останешься здесь. Ночью, когда все уйдут, я помогу тебе добраться до твоего брата. А потом... потом мы что-нибудь придумаем. Вместе.

Я сама не поняла, откуда во мне эта уверенность, эта непоколебимая решимость. Но глядя в его бездонные голубые глаза, полные слёз, надежды и отчаяния, я поняла одно: иногда чтобы стать по-настоящему сильной, недостаточно просто контролировать свою магию. Иногда нужно просто сделать правильный, человеческий выбор. И я его сделала.

Глава 9. Разговор по душам

— Лучше уж обратно в кота, но сдавать ищеек меня не смей! — Красавец упрямо скрестил руки на груди, и от этого жеста веяло такой отчаянной бравадой, что мне стало почти жаль его наивность.

Я смерила его долгим, изучающим взглядом.

— Расслабься, герой, я и не собиралась никого сдавать, — проворчала я, расхаживая по комнате. — Но вот что меня реально беспокоит... Ты сказал, про брата. Сколько ты провалялся в той сточной канаве? С ним всё в порядке? — Мысль о голодном ребёнке, даже если это ребёнок-фамильяр, заставляла мой и без того измотанный мозг лихорадочно искать решения.

— Я благодарен тебе за спасение, и по неписанным правилам ты имеешь право требовать что угодно, — его голос прозвучал вымученно-торжественно. — Но если ты пытаешься выведать, где мой брат, — у тебя ничего не выйдет!

Я фыркнула, подняв бровь. Забавно. Минутой ранее магия Дома, подпитанная моим раздражением, заставила его выложить всю подноготную. Думаю, могла бы и сейчас. Но зачем? Насильно мил не будешь.

— Ты не понял, — я остановилась прямо перед ним. — Меня волнует, не помер ли там твой братишка с голоду, пока ты тут геройствуешь. — В голосе прозвучали нотки раз-

дражения. Хотя, чёрт, мне ли его судить? У него хоть семья была. Настоящая.

Он недоверчиво усмехнулся, и в его небесных глазах мелькнула тень.

— И с чего бы тебе волноваться?

Вот именно. Доверие к ведьмам у него было на уровне доверия к мокрым спичкам. Я сдалась и плюхнулась на кровать, смахивая остатки уличной пыли.

— Слушай... — я провела рукой по лицу, чувствуя, как веки наливаются свинцом. Бессонная ночь, утренний завтрак с роднёй, где каждое блюдо было приправлено ядом, приказ «соответствовать»... Мой запас сил был на нуле. — Хочешь, поклянусь своей магией? Мне плевать, что ты там украл. А про интернаты... я правда не в курсе была. Может, ты всё преувеличиваешь? — в голосе прозвучала слабая надежда.

Его улыбка стала горькой.

— Если бы... Я видел их «выпускников». Да, физически они в порядке. Но в их глазах... пустота. Я не хочу, чтобы мой брат смотрел на мир так же.

Я с силой потерла виски. Всё было гораздо хуже, чем я думала.

— Мне жаль, — это было всё, что я могла выжать из себя. — Но ты уверен, что с ним всё в порядке? — уточнила я. Спасательная операция на сегодня в мой планы не входила. Особенно с учётом вечернего испытания.

— Уверен, — он кивнул, но в его глазах читалась неуве-

ренность. — У нас есть договорённость. Он должен быть в порядке.

Он пытался убедить меня или себя? Я хмыкнула.

— Ладно, я — зло в юбке, понятно. Но, может, хотя бы еды для него возмёшь, когда пойдёшь? Кстати, ванная свободна. Чистой одежды не обещаю, но смыть с себя запах канализации — это святое.

Я наконец внимательно его оглядела. Худой, слишком худой. Одежда поношенная, хоть и чистая. Странно... С такой внешностью он мог бы приманить к себе любую одинокую ведьму.

— Уходить? — он удивлённо моргнул. — Разве я не должен... отработать свой долг? Или что-то в этом роде?

Я скептически осмотрела его с ног до головы.

— Дорогой мой, если ты ещё не понял, я — бракованная модель. Сборка кривая, магия не работает. Так что вряд ли ты сможешь мне чем-то помочь. Разве что пол помыть, но, как видишь, — я показала на идеальный порядок, — и тут облом.

Теперь он изучал меня. Его взгляд скользнул по моим рыжим кудрям, задержался на лице, словно читая невидимые строки.

— Дефектная? — он искренне удивился. — Но... я не чувствую в тебе изъяна. Наоборот. Твоя магия... она очень притягательная. Ты должна быть сильной.

Я горько рассмеялась. Вот тебе раз! Интересно, тот, с кры-

ши, тоже так думал? Какой облом.

— Значит, у тебя с восприятием проблемы, — отмахнулась я.

— Не думаю, — он внезапно сделал шаг вперёд, и его ноздри слегка вздрогнули. Он «пробовал» мою магию на вкус, совсем как тот, зелёноглазый. — Нет, я не ошибаюсь. Ты пахнешь... бурей. Очень сильной бурей. Никакого дефекта.

Во мне что-то ёкнуло. Гнев? Отчаяние? Зачем он это делает?

— Слушай... котик, — я с силой выдохнула. Проклятье, я даже имени его не знаю! — Короче, ничего мне от тебя не надо. Иди куда шёл. Считай, что мы не виделись. Помойся, чтобы на тебя на улице не тыкали пальцами, и, ради всего святого, не превращайся обратно, если не уверен, что хватит сил на обратное превращение.

Он нахмурился, сделал шаг к двери, но замер. Развернулся. Его взгляд был твёрдым.

— Хорошо. Что ты хочешь за временную привязку? Ты совершеннолетняя. Фамильяра у тебя нет.

Я снова засмеялась, на этот раз с ноткой истерики.

— Ты что, слова «дефектная» не понимаешь?

— Просто назови цену! — его голос дрогнул от ярости. — Да, я не с богатой семьёй! Я не прошу постоянной связи! Ты даже прикасаться ко мне не должна! Я буду выполнять твои поручения, делить с тобой энергию, а ты... ты просто

прикроешь нас с братом. Всё. Только пока мы вместе.

Мы говорили на разных языках.

— Слушай, как тебя, чёрт возьми! — я уже не сдерживалась. — Я не знаю, в какую дурацкую игру ты играешь! Мне жаль твоего брата, соболезную насчёт родителей, но я — никчёмная ведьма, которую терпеть не может даже собственная семья!

Но он не сдавался. Его взгляд стал твёрже.

— К презрению я привык. Если это спасёт брата от интерната — это мелочь.

Во мне что-то сорвалось. Хватит. С меня хватит этих намёков, этой жалости, этих иллюзий!

— Да не могу я, понял?! — я крикнула, и моя магия, всегда дикая и непокорная, вырвалась на свободу. — ВОТ, СМОТРИ! НЕ МОГУ!

Я тут же захлопнула рот, с ужасом наблюдая, как вихрь моей силы не разнёс комнату в пыль, а... плавно, почти нежно, обвил его ауру. Золотистые нити моей магии сплелись с его собственной энергией, создав прочный, сияющий канал. Временная связь. Она была.

— Обалдеть... — прошептала я, не в силах вымолвить больше.

Слов не осталось, когда между нами вдруг действительно образовался канал временной связи. Магия ровно потекла от меня к котику, насыщая его недостающей энергией. Конечно, это капля в море, если бы вместо временной связь была

постоянной, но... я не думала, что способна даже на нечто подобное...

Котик едва ли не жмурился от удовольствия, поглощая мою магию. Его глаза зажглись оранжевым, сменив на время подпитки свой цвет. Я же в шоке смотрела на него. Это невероятно! Это невозможно! Просто не может быть! Но тем не менее канал связи был и...

— Обалдеть... — повторила я, когда канал исчез, оставив после себя лёгкое, тёплое эхо.

— Прости, — он смущённо отвёл взгляд. — Я... я никогда по-настоящему не пробовал магию ведьмы. Не удержался. — Его зрачки сузились в вертикальные чёрточки, выдав волнение. — Так... что я должен делать?

Я просто закрыла глаза и повалилась на кровать. Галлюцинации. У меня галлюцинации от усталости. Сейчас проплюсь, и всё вернётся на круги своя.

— Вон в том мешочке деньги, — пробормотала я в подушку. — Возьми и накорми брата.

Пусть хоть в этом бреде кому-то будет хорошо.

— А потом? — его голос прозвучал тихо.

— Понятия не имею, — простонала я. — Просто уйди, ладно?

На этот раз он не спорил. Только у порога обернулся, но затем все же вышел. Дверь тихо закрылась.

— Третья направо — ванная! — крикнула я ему вдогонку и зарылась лицом в одеяло.

Вот сейчас посплю. И проснусь прежней Асмадель. Сломанной. Неуправляемой. Одинокой. А не... не той, чья магия только что сделала невозможное. Не той, в ком вдруг зародилась опасная, безумная надежда.

Глава 10. Второе испытание

Меня разбудило настойчивое, почти физическое ощущение — на меня смотрят. Не с привычной ненавистью или презрением, а с холодным, изучающим любопытством, словно я редкий экспонат в музее. Не открывая глаз, я просканировала комнату своим шестым чувством — злобы не было, лишь тихое, сосредоточенное внимание. Что ж, пора встречать гостя.

Я тяжело приподнялась на локте, и мой взгляд столкнулся с тем, кого я списала на галлюцинации от переутомления. Он сидел в кресле у окна, залитый утренним светом, и выглядел так, будто сошёл с обложки журнала для ведьм о «Топ-100 самых желанных фамильяров».

Его существование в моей убогой реальности было статистической погрешностью, розыгрышем судьбы.

— Э-э... — блестяще начала я, мозг лихорадочно пытался проснуться окончательно. — А ты... всё ещё здесь? — в голове пронеслись обрывки воспоминаний: спасение из канализации, временная связь, деньги на брата...

Я была на сто процентов уверена, что он исчезнет, прихватив мои жалкие сбережения. Это было бы логично.

Я нахмурилась. Связь между нами была тоньше паутины — несколько дней без энергообмена, и её как будто и не было. Да и любой уважающий себя фамильяр мог разорвать её

одним усилием воли.

Коты — создания гордые и свободные, их не удержать на цепях долго. Разве что на брачных, да и те не вечны.

— Ты... привязала меня, — его голос звучал почти испуганно. Он и сам, кажется, не мог в это поверить.

Я зависла, пытаюсь осознать масштаб этой фразы.

— И... ты хочешь сохранить эту связь? — спросила я, садясь на кровати и смахивая с лица непослушные рыжие пряди. Такого поворота я точно не ожидала. Я готовилась к краже, к побегу, но не к этому.

— А разве не должен? — теперь он смотрел на меня с тем же недоумением. — Ты сильная ведьма из одного из могущественных Домов. Я думал, мы договорились: ты даёшь защиту мне и моему брату, а я — своё послушание. Я ошибся?

Я с раздражением потерла лицо, глянула на магические часы на стене и едва сдержала крепкое словцо. Ужин пролетел мимо, до следующего испытания — считанные минуты.

И тут меня осенило, как гром среди ясного неба — я даже имени его не знаю! Спасла от голодной смерти, связала магией, вынудила выложить всю свою печальную историю, а самое элементарное упустила!

— Я слабо представляю, как именно я могу спасти твоего брата, но попытаться готова, — вздохнула я, сгребая в кулак свою медную гриву. Резинка куда-то запропастилась. Привычка не прятать волосы всё ещё была новой и вызывающей. — Но есть нюансы.

Вызывающий вырез на платье задрался куда выше, чем ему положено, обнажив бедро. Я рывком поправила его, делая вид, что так и задумано — мол, это мой дерзкий стиль. Котик — пусть пока будет Безымянный — смотрел на меня с тихим, непроницаемым изумлением.

— Твой Дом в десятке сильнейших, — констатировал он, как нечто само собой разумеющееся.

— Послушай... как тебя, собственно, зовут? — начала я, чувствуя, как жар от стыда разливается по щекам. Говорить надо было быстро, испытание ждать не станет.

— Дориан, — его имя прозвучало, как струна, тихо дрогнувшая в тишине. Элегантно. Слишком элегантно для моей комнаты.

— Дориан, — повторила я, вставая. — Ты, должно быть, меня не расслышал или не понял в прошлый раз. Я — брак. Сбой в системе. Моя магия — это неуправляемый шторм в стеклянном сосуде. Я — живое напоминание о позоре для этого Дома. Связываясь со мной, ты не получишь ни защиты, ни влияния — только проблемы. Если я сегодня или завтра провалю испытание, меня вышвырнут отсюда, как мусор. И тогда уже мне понадобится защитник, а не тебе. Так что из меня покровитель так себе.

Я выложила всё как есть. Без прикрас и сладких обещаний. Пусть знает правду, прежде чем примет решение. Но он не бросился к двери. Он сидел, молчал, и в его глазах, цвета летнего неба, копилась какая-то своя, кошачья, неспешная

дума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.